



М. Ф. Шацкая

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОММУНИКАТИВНОГО САМОУБИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ КОМИЧЕСКОГО

Коммуникативное самоубийство представляет собой разновидность речевой агрессии – автоагрессию адресанта. Полный крах коммуникативной цели отличает коммуникативный суицид от коммуникативной ошибки. В комических контекстах выявляются вербальные средства и презумптивные факторы, за счет которых нарушаются условия успешности общения. Природа исследуемого феномена общения аксиологична, поскольку затрагивает практически все виды ценностей, ядром которых являются коммуникативные.

Адресат, адресант, аксиология, коммуникативная неудача, коммуникативное самоубийство, речевая агрессия, речевое воздействие.

В рамках теории речевого воздействия, основоположниками которой являются Т.А. ван Дейк, Р.М. Бларк, Х. Вайнрих, рассматриваются вопросы, связанные с успешностью процесса общения и прогнозированием возможных коммуникативных неудач (см. об этом подробнее: [14]), затрудняющих его или сводящих на нет. Е.М. Лазуткина утверждает, что «успешность речевого общения зависит от желания участников в форме диалога выразить свои мнения, желания, просьбы, сообщить что-либо и т.д.; от умения определить все личностные особенности коммуникантов, организовать в соответствии с этим свои реплики, содержащие информацию по определенному вопросу, выражающие мнение, побуждение к действию или вопрос в оптимальной при данных обстоятельствах форме, на достойном собеседников интеллектуальном уровне, в интересном ракурсе» [12, с. 74].

Есть ситуации, в которых любой может взять на себя функцию коммуникативного лидера и должен правильно начать процесс общения. Для этого человек избирает определенные речевые стратегии, в основе которых лежат две цели: «Во-первых – желание быть эффективным (то есть реализовать интенцию), во вторых, – необходимость приспособиться к ситуации» [8, с. 58]. Ко второстепенным целям относят желания 1) самовыражения, 2) эффективного взаимодействия, 3) сохранить и преумножить значимые для него ценности, 4) управлять ситуацией, избегая отрицательных эмоций (Там же, с. 58–59). Планируя речевое поведение, говорящий должен также исходить из правил, позволяющих сделать общение успешным (принцип кооперации П. Грайса, принцип вежливости Дж. Лича, правила внимания к собеседнику и экономии времени, принципов иронии и Поллианны и др.).

Эффективность сообщения складывается из множества деталей, о которых пишет в своей работе «Речевое воздействие как интегральная наука» И.А. Стернин. Лингвист обозначает 14 факторов (вербальных и невербальных), ошибка по любому из которых может

привести к **коммуникативной неудаче** (далее – КН), под которой понимается «отрицательный результат общения, т.е. такое завершение общения, когда его цель оказывается не достигнутой» [18, с. 13]. Разновидностью КН, как было сказано выше, является **коммуникативное самоубийство** – «грубая ошибка, допущенная в общении, которая сразу делает дальнейшее общение заведомо неэффективным» (Там же).

В ходе общения могут появляться различные деструктивные факторы, которые принято называть коммуникативными рисками [19]. Они приводят к незапланированному результату коммуникации или к коммуникативной неудаче. Попадая в зону коммуникативного риска, у адресанта еще есть возможность избежать худшего при помощи определенных стратегий и тактик. Однако выходя за эту зону, происходит уже другое развитие ситуации. Как пишет В.В. Красных, «в случае неуспешной коммуникации возможны *коммуникативный сбой* (недостаточно адекватная коммуникация, недостаточно полное взаимопонимание участников коммуникации) и *коммуникативный провал* (неадекватная коммуникация, полное непонимание коммуникантами друг друга)» [11, с. 173]. Так регистрируются коммуникативные неудачи, крайней формой которых является коммуникативное самоубийство. Этот феномен, на наш взгляд, еще не до конца исследован лингвистами, что обуславливает актуальность нашей работы.

В научной литературе приводятся разные ситуации, в которых фиксируется коммуникативное самоубийство. Если оратор начинает свое выступление со слов: «Извините, что занимаю у вас время... Я вас долго не задержу...» или человек начинает свою статью или пост на страничке: «Это мой первый пост... Я начинающий художник...», то он тем самым сообщает слушателям о том, что его информация им не нужна, она вызовет раздражение, его появление перед аудиторией нежелательно и т.д. [5]. Если во время застолья кому-то предлагают сказать тост и человек

начинает оправдываться: «Я не умею, тосты – это не моё...», то в результате все остальные почувствуют себя стесненно, потому что фактически заставили говорящего это сделать, подавляя его волю, его желание остаться в стороне. Еще один типичный пример коммуникативного самоубийства – начать общение со слов: «Вы не поверите, но...», что сразу же подвергнет сомнению далее сказанное.

Коммуникативное самоубийство может быть обусловлено нарушением в том числе названных постулатов. Так, на этапе вступления в контакт, начала речи этот феномен может иметь место, если человек:

- отказывается от своей коммуникативной роли, говоря об отрицательном отношении к ней;
- вербализирует свою ложную виновность в сложившейся ситуации;
- начинает свою речь с неуместной шутки.

Первые две ситуации, можно предположить, обусловлены таким фактором, как неуверенность человека в том, «...что он не сможет выполнить данное действие, оценка действия как невыгодного либо неприятного, страх перед последствиями и т.д.» [8, с. 81]. Таким образом, еще раз подтверждается мысль Н.Д. Арутюновой о том, «...что оценка задает определенные параметры дискурса» [1, с. 21], на основании чего формируется аксиологическое поле коммуникации (см. об этом понятии подробнее: [16, с. 73]), выход за рамки которого и ведет к коммуникативным неудачам и в крайнем случае – к коммуникативному самоубийству.

Понятие коммуникативного суицида связано не только с вопросами речевого воздействия, но и с психологией общения. Немаловажную роль в коммуникации играет эмоциональный фон. О важности его можно прочитать в работе Е.Н. Зарецкой «Риторика: Теория и практика речевой коммуникации» [7, с. 59–106]. Исследователь анализирует воздействие различных эмоций на человека при продуцировании определенных интенций. Среди наиболее сильных негативных эмоций автор называет стыд и страх, которые часто комбинируются в процессе общения. На наш взгляд, именно эти эмоции провоцируют коммуникативное самоубийство, которое может произойти либо в начале речи, либо в ходе ее развертывания.

Итак, названные выше грубые ошибки в общении обусловлены либо страхом перед аудиторией, либо возможным чувством стыда, в случае если оратору не удастся понравиться слушателям. «Человек – существо критичное: анализ, оценка окружающего мира и самого себя является неотъемлемой частью его духовного бытия» [7, с. 77], а это в свою очередь связано со сферой эстетических эмоций. Прибавим, что одной из внутренних потребностей человека является стремление к удовольствию, этот важнейший психологический постулат «...имеет непреходящее значение для понимания основ человеческого общения» (Там же, с. 99), потому что в случае провала выступления возникает страх не получить желаемое и стыд в результате падения профессиональной или личностной самооценки адресанта.

В ходе развертывания речи ситуация коммуникативного суицида может быть спровоцирована, если оратор:

- принижает или обижает аудиторию, занимаясь нравоучением;
- провоцирует или демонстрирует вызывающее речевое поведение;
- позволяет себе излишний пафос;
- старается поддержать внимание аудитории, не прибегая для этого к специальным риторическим приемам, а призывая к терпению со ссылкой на темпоральное ограничение своей речи.

Все сказанное выше привело нас к мысли о том, что коммуникативное самоубийство имеет признаки речевой агрессии. Для доказательства нашей точки зрения рассмотрим названный коммуникативный феномен.

Речевая агрессия – сложное явление, поэтому взгляды лингвистов на нее отчасти схожи, отчасти разнятся, что зависит от подхода исследователя. В основе этого феномена лежит использование языковых средств разных уровней для реализации особых способов оформления мыслей говорящего при построении высказываний с целью нарушения коммуникативного баланса. (В статье С.А. Кондратьевой, И.С. Черновой [10] приводятся различные дефиниции этого понятия и рассматриваются аспекты, в которых изучалась речевая агрессия: лингвопсихологический (Л.В. Рацибурская, А.П. Сквородников, Е.Г. Соболева, И.А. Стернин), коммуникативно-прагматический (Т.А. Воронцова, Р.Х. Хайруллина, Д. Инфанте), этический (Л.В. Енина, Г.А. Копнина, А.К. Михальская), социопсихологический (В.И. Жельвис).) Речевая агрессия трактуется в настоящее время достаточно широко – от использования стилистически маркированных языковых средств до целенаправленного подавления речевой деятельности оппонента. С точки зрения Т.А. Воронцовой, агрессивное речевое поведение преследует целью деформировать любую сферу коммуникативного пространства. Речевая агрессия представляет собой вторжение в речевое, аксиологическое или когнитивное пространства адресата.

Как отмечает Ю.В. Щербинина, «недостаточная осознаваемость <...> собственного речевого поведения в целом и в частности агрессивных компонентов в нем» может выступать причиной речевой агрессии [22, с. 42–54]. На наш взгляд, специфика коммуникативного самоубийства, обусловленная данным фактором, приводит к тому, что объектом агрессии становится сам говорящий, поскольку он не в полной мере может оценить присутствие в своей речи агрессивных компонентов и предпринять неадекватные оборонительные действия в случае отказа от навязываемой ему коммуникативной роли. Все названное осложнено еще отрицательной эмоциональной реакцией адресата в сложившейся коммуникативной ситуации, провоцирующей нарушение правил успешного общения. Именно поэтому стоит провести более четкую границу между коммуникативной неудачей и коммуникативным самоубийством. В первом случае крах в процессе общения является нежелательным для адресанта, во втором – он в разной степени осознанности или неосознанности стремится к этому. Таким образом, речевая агрессия, направленная на адресатов, меняет свой вектор на противоположный, приводя к антидиалогу.

Речевая коммуникация, в том числе и речевая агрессия, имеет тесную связь с аксиологическим фактором, поскольку она «...являет собой социопсихически значимый процесс координации деятельности его участников, суть которого состоит в том, что диалог как речевое событие опирается на ценности, которыми располагают участники диалога, а также на представления о ценностях, которые имеются у каждого из коммуникантов относительно ценностей, предполагаемых у партнера по диалогическому взаимодействию» [15, с. 11]. Кроме того, Н.А. Сидорова полагает, что «...аксиологический фактор следует рассматривать не только наряду с другими факторами коммуникативного процесса...» (социальный статус, социальная роль, регистр общения, условие ситуации и др.), «...но в качестве регулятивного фактора речевой коммуникации, осуществляющего управление ходом и содержанием речевой коммуникации» (Там же, с. 13–14). Коммуникативный суицид, как мы увидели, связан со стратегией избегания отрицательной оценки себя или своих действий, то есть имеет аксиологическую природу, что может объясняться следующим: «Функциональная значимость ценностей состоит в том, что они позволяют иметь некоторую точку отсчета для конкретного оценивания тех или иных событий, выступая тем самым в качестве регуляторов поведения, коммуникативного в частности» (Там же, с. 22). Н.А. Сидорова пишет об особой группе ценностей, называемых коммуникативно значимыми, – это «ценности, определяющие возможность, содержание, формы и структуру коммуникации, т.е. такие ценности, без которых коммуникация невозможна» (Там же). В ситуации коммуникативного самоубийства аксиологическая картина мира (об этом понятии см.: [9]) отдельного индивида отчасти рушится, потому что происходит практически полная аксиологическая редукция, а результатом коммуникации становится перлокутивный эффект, противоположный ожидаемому адресантом.

Цель настоящей статьи – проанализировать коммуникативный суицид, выявив его особые характеристики, и описать специфику формирования этого коммуникативного феномена в комических контекстах.

Материалом для нашего исследования стали художественные произведения русской литературы XX вв.: М. Веллера, В. Войновича, С. Довлатова, Ю. Полякова. Выбор источников определялся отражением в них комических ситуаций, заключающих те или иные виды грубейших коммуникативных ошибок, которые сводили на нет процесс общения.

В комических контекстах коммуникативный суицид может обретать несколько иные формы выражения, поскольку аномальными являются сами условия, в которых складывается ситуация общения.

Чаще всего регистрируется отсутствие осознания грубой ошибки одним из коммуникантов, поскольку есть различие в фоновых знаниях собеседников, что приводит к провалу в общении:

– *Дорогой мой. Знали бы вы мою биографию. Куда там Дюма.*

Литагент отвечает без энтузиазма:

– *Не знаю, с Дюма я не работал... Ну, почитаем... [2, с. 177].*

Как видим, литагент не хочет портить свой имидж, показывая честность в общении с потенциальным клиентом, однако в данном случае обнаруживает свое невежество.

Коммуникативное самоубийство может быть абсолютно осознанным, когда происходит намеренное игнорирование типичных алгоритмов речевого взаимодействия. Так, в приведенном ниже примере мы видим обыгрывание ответа на этикетный вопрос, являющийся одним из речевых стереотипов: *Что вам угодно?* Далее происходит буквализация его смысла и констатирующе верный ответ (ср.: *Не угодно ли – ‘употребляется как формула вежливого предложения’* [17, т. 4, с. 458]), причем значение предиката в данном клише редуцировано, однако, в условиях комического контекста актуализируется следующая семантика *угодно – ‘нужно, желательно’* (Там же):

Я сел у двери. Через минуту появился официант с громадными войлочными бакенбардами.

– *Что вам угодно?*

– *Мне угодно, – говорю, – чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны.*

Официант, пресыщенный разнообразием жизни, молчал.

– *Мне угодно сто граммов водки, пиво и два бутерброда* [6, т. 2, с. 199].

Проанализируем следующий пример:

Посмотрев на дубинку, парень ухмыльнулся и сказал:

– *Ну, как хотите. Пишите: фамилия, имя, отчество.*

И, сделав таким образом шаг навстречу следствию, немедленно оказался сыном мэра.

Следствие попятилось. Милиция не любит попадать в яму, которую по долгу службы роет другим [3, с. 300].

На первый взгляд, профессионально обусловленная настойчивость со стороны правоохранительных органов вполне приемлема. Однако экзистенциальная пресуппозиция, не известная им вначале информация о задержанном, приводит к определенному прагматическому эффекту, ставя под сомнение успешность общения и формируя коммуникативное самоубийство.

Метатеза темы и ремы в следующих комических контекстах провоцирует аксиологическую перекодировку (положительная оценка меняется на отрицательную), в том числе и в результате игры на многозначности (в первом диалоге: *хорошо* от прилагательного *хороший*, ср.: ‘обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению; противоп. *плохой*’ [17, т. 4, с. 620] и ‘употребляется для выражения иронического отношения к кому-, чему-либо, пренебрежительно-неодобрительной оценки кого-, чего-либо’ (Там же, с. 621)):

– *Вас провожал Митрофанов. Чрезвычайно эрудированный пушкинист. Вы хорошо его знаете?*

– *Хорошо, – говорю, – с плохой стороны... [6, т. 2, с. 201];*

– *Знаете, я столько читал о вреде алкоголя! Решил навсегда бросить... читать* [6, т. 2, с. 201].

Адресант может не понимать совершаемой им грубейшей ошибки: *«До чего же умный человек! –*

мысленно восхитился председатель. – И с этой стороны к нему подойдешь, и с другой, а он все равно ответит так, что ничего не поймешь. Небось высшее образование имеет...» [4, с. 65]. Человек, которым восхищается председатель, по сути, демагог, сводящий любую коммуникацию на нет, поскольку за многословием и «заумью» скрывается пустота содержания из-за незнания ответа на задаваемый вопрос.

Вопрос-переспрос, в котором содержится абсурдная просьба пояснить очевидное, тоже ведет к краху в общении:

– Родители ваши кто?

– Так ведь люди, – ответил он, не понимая сути вопроса.

– Я понимаю, что не коровы. Чем занимаются?

– В гробе лежат.

– То есть умерли?

Чонкин посмотрел на лейтенанта удивленно: что он, лук ел или так одурел?

– Неужто живые? – сказал он и сделал гримасу, выражающую крайнюю степень недоумения (Там же, с. 295–296).

В полисеманте *заниматься* ('выполнять какую-л. работу, делать что-л.' [17, т. 1, с. 550]) происходит семантическая редукция, в результате которой остается только процессуальная архисема, что провоцирует зевгматичное построение диалога, в результате чего собеседники основываются на разном (полном или неполном) семантическом наполнении одного и того же глагола.

Коммуникативный суицид возникает в ходе разной референциальной соотнесенности, базирующейся на неполных омонимах – *Курта* и *кур-то*. Так сталкиваются продуктивный и рецептивный факторы коммуникации, поскольку не совпадают картины мира собеседников, принадлежащих к разным субкультурам – следователь-горожанин и простая колхозница:

– ...А между прочим, Курта, случайно, не знаете, а?

– Кур-то? – удивилась Нюра.

– Ну да, Курта.

– Да кто ж кур-то не знает? – Нюра пожала плечами. – Да как же это можно в деревне без кур-то?

– Нельзя? – быстро переспросил Лужин. – Да. Конечно. В деревне без Курта. Никак. Нельзя. Невозможно. – Он придвинул к себе настольный календарь и взял ручку. – Как фамилия?

– Беляшова, – сообщила Нюра охотно.

– Беля... Нет. Не это. Мне нужна фамилия не ваша, а Курта. Что? – насутился Лужин. – И это не хотите сказать?

Нюра посмотрела на Лужина, не понимая. Губы ее дрожали, на глазах опять появились слезы.

– Не понимаю, – сказала она медленно. – Какие же у кур фамилии? [4, с. 360].

К коммуникативному суициду может привести игра на многозначности, когда меняется языковой код: неопределенное местоименное наречие *как-нибудь* вначале актуализирует значение – 'когда-нибудь, как только найдется время' [17, т. 2, с. 18];

далее в диалоге возникает семантика 'недостаточно хорошо, кое-как, небрежно' [17, т. 2, с. 18]:

– Может, встретимся как-нибудь? – неловко предложил Башмаков Нине Андреевне.

– Нет, «как-нибудь» мы встречаться не будем... [13, с. 121].

Как видим, многозначность и омонимия провоцируют появление ситуации коммуникативного самоубийства.

Иногда наблюдается конфликт между изначальной интенцией ситуации общения и неоправданными коммуникативными ожиданиями, основанный на различиях в идеологической базе коммуникантов: Запад как обобщенная номинация всех капиталистических стран, антагонистов СССР, и Восток как место ссылки политзаключенных.

Час спустя заглянул редактор:

– Жюри штрафует вас на два очка.

– Какое еще жюри?

– Вы забыли, что продолжается конкурс. Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поездки на Запад, в ГДР.

– Логично. А худший из худших – на Восток?

– Что вы этим хотите сказать?

– Ничего. Я пошутил. Разве ГДР – это Запад?

– А что же это, по-вашему?

– Вот Япония – это Запад!

– Что?! – испуганно вскричал Турунок.

– В идейном смысле, – добавил я [6, т. 1, с. 278].

Верификация понятий *правда* и *ложь* может быть субъективна, причем эти слова могут не эксплицироваться, а присутствии этих концептов указывает маркер *подлинный* ('истинный, не показной' [17, т. 3, с. 196]):

– Мы даем вам шанс исправиться. Идите на завод. Проявите себя на тяжелой физической работе. Станьте рабкором. Отражайте в своих корреспонденциях подлинную жизнь....

Тут я не выдержал.

– Да за подлинную жизнь, – говорю, – вы меня без суда расстреляете! [6, т. 1, с. 382].

Как видим, иногда в коммуникативном самоубийстве истинная интенция маскируется под пресуппозиции и различия в критерии оценочности.

Субъективно может искажаться концепт *пользы* (ср.: *полезный* – 'приносящий пользу, способный приносить пользу' [17, т. 3, с. 257]; *польза* – 'хороший результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л.' (Там же, с. 277)):

Мой брат, у которого две судимости (одна – за непредумышленное убийство), часто говорит:

– Займись каким-нибудь полезным делом. Как тебе не стыдно?

– Тоже мне учитель нашелся!

– Я всего лишь убил человека, – говорит мой брат, – и пытался съесть его труп. А ты?! [6, т. 1, с. 457].

Можно отметить, что в приведенном выше примере обнуляются коммуникативные ценности, сущность которых связана непосредственно с содержанием, формой и структурой речи, то есть процесс общения без этой аксиологической группы становится невозможным. (Классификация десяти наиболее уни-

версальных коммуникативно значимых ценностей рассматривается в работах Ш. Шварца (например, в [20]). К ним относятся самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижение, власть, безопасность, конформизм, традиции, щедрость, универсализм.)

Как видим, в последних двух примерах речь также может идти о различиях в когнитивных базах коммуникантов.

Нарушение этических норм коммуникации связано с неумением осуществлять контроль за речью, верно оценивать соответствие высказывания ситуации общения. Так, внук не задумался о том, под каким названием он выбрал песню для поздравления своей бабушки с днем рождения, поскольку у юноши, видимо, полностью отсутствует эмпатия:

– *Внук Ираклий поздравляет с днем рождения бабушку Натэлли. В ее честь исполняется лирическая песня...*

Он выждал паузу и торжественно договорил:

– *Лирическая песня: «Ты еще жива, моя старушка!...»* [б, т. 1, с. 217].

На основании проведенного анализа мы пришли к следующим выводам.

Коммуникативное самоубийство представляет собой разновидность речевой агрессии, специфика которой заключена в том, что она направлена на самого адресанта (автоагрессия), но им чаще всего не осознается. Такие коммуникативные обстоятельства складываются либо в начале произнесения речи, либо в середине, в любом случае коммуникативная цель остается не достигнутой, общение с большой долей вероятности продолжить невозможно. Это отличает коммуникативный суицид от коммуникативной ошибки, при которой признание и коррекция своего промаха дает возможность достижения планируемого результата общения.

Учитывая то, что коммуникация тесно связана с психологией общения, можно констатировать две основные эмоции – страх и стыд, которые чаще всего ведут к коммуникативному самоубийству.

Ситуация коммуникативного суицида строится в комических контекстах на различиях в аксиологической и когнитивных базах собеседников. К этому приводят неверное использование паронимов или омонимов; актуализация полной семемы или ее части (семантическая редукция). Прагматический фактор – различные основания оценки тех или иных фактов действительности – также способствует появлению названного выше феномена.

Природа исследуемого феномена общения аксиологична, поскольку затрагивает практически все виды ценностей, ядром которых являются коммуникативные. Все коммуникативные ситуации связаны с недооценкой/переоценкой собственного речевого поведения, практических возможностей и/или лингвокультурной базы собеседника, различиями в системе ценностей людей, включая случаи намеренного частичного искажения общечеловеческой аксиологической картины мира.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – Москва : Наука, 1984. – С. 5–24.

2. Веллер, М. Легенды Невского проспекта / М. Веллер. – Москва : АСТ, 2007. – 416 с.

3. Веллер, М. Разбиватель сердец / М. Веллер. – Москва : АСТ, 2006. – 384 с.

4. Войнович, В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга I. Лицо неприкосновенное. Книга II. Претендент на престол / В. Войнович. – Москва : Эксмо, 2008. – 608 с.

5. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2003. – 288 с.

6. Довлатов, С. Собрание сочинений : в 4 томах / С. Довлатов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005.

7. Зарецкая, Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – Москва : Дело, 2002. – 480 с.

8. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : ЛКИ, 2012. – 304 с.

9. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 166–205.

10. Кондратьева, С. А. Виды речевой агрессии / С. А. Кондратьева, И. С. Чернова // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 5. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/05/95344> (дата обращения: 15.01.2023). – Текст : электронный.

11. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2001. – 270 с.

12. Лазуткина, Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы / Е. М. Лазуткина // Культура русской речи : учебник для вузов. – Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1998. – 560 с. – С. 50–79.

13. Поляков, Ю. М. Треугольная жизнь: Романы, повесть / Ю. М. Поляков. – Москва : РОСМЭН-ПРЕСС, 2007. – 682 с.

14. Полякова, С. Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач / С. Е. Полякова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-prichiny-vozniknoveniya-kommunikativnyh-neudach> (дата обращения: 04.09.2022). – Текст : электронный.

15. Сидорова, Н. А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сидорова Н. А. – Москва, 2011. – 48 с.

16. Сидорова, Н. А. Сущностная структура коммуникативных ценностей / Н. А. Сидорова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 3. – С. 69–77.

17. Словарь русского языка : в 4 томах / под редакцией А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1981–1984.

18. Стернин, И. А. Практическая риторика / И. А. Стернин. – Москва : Академия, 2008. – 272 с.

19. Страхова, О. А. К вопросу об определении понятий «коммуникативный риск» и «зона коммуникативного риска» / О. А. Страхова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 9 (75). – Ч. 2. – С. 150–153.

20. Шварц, Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 43–70.

21. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – Москва : УРСС, 2006. – 360 с.

22. Щербинина, Ю. В. Методы диагностики речевой агрессии / Ю. В. Щербинина // Прикладная психология и психоанализ. – 2001. – № 3. – С. 39–55.

M.F. Shatskaya

THE AXIOLOGICAL NATURE OF COMMUNICATIVE SUICIDE IN THE CONTEXT OF COMIC

Communicative suicide is a kind of speech aggression, i.e. auto-aggression of the addressee. The complete collapse of a communicative goal distinguishes a communicative suicide from a communicative error. In comic contexts, verbal means and presumptive factors are identified, due to which the conditions for successful communication are violated. The nature of the studied phenomenon of communication is axiological, since it affects almost all types of values, the core of which is communicative ones.

Addressee, addresser, axiology, communicative failure, communicative suicide, speech aggression, speech impact.